
Чжоу Хэлань отправился за кучером, и Ань Чанцин поднялся в экипаж. Сяо Чжигэ после краткого колебания решил не садиться на коня и вошел в карету вслед за ним.

Наблюдавшие издали горожане пораженно ахнули и принялись перешептываться:

— Князь в гневе просто ужасен, до смерти перепугать может! Это ведь был молодой господин Чжань, верно? Ну и не повезло же ему...

— Да как сказать! Разве молодой господин Чжань сам не напросился? Да даже если бы князь забил его до смерти прямо на месте, то был бы в своем праве...

Стоило кому-то это произнести, как остальные тут же подхватили: и то правда, господин Чжань сам виноват! У какого мужа не закипит кровь, если его супруга пристают и обижают прямо посреди улицы? То, что он остался жив, — лишь благодаря великому милосердию ванфэй!

Раньше люди привыкли к слухам, будто Бэйчжань-ван убивает людей не моргнув глазом, а теперь, взглянув на происходящее с другой стороны, осознали суть только после чужой подсказки.

— И то верно! На счету этого господина Чжана немало подлых дел, так что сегодня он получил по заслугам. Да если бы князь и убил его, это было бы лишь избавлением народа от беды!

— К слову говоря, а ведь ванфэй хорош! Выглядит таким утонченным да ученым, а бьет-то как умело!

— А ты разглядел, как выглядит ванфэй?

— Да куда там, издали разве разглядишь? Но по стану видно — красавец! Прямо как в книжных сказаниях описывают...

...

Народ весело сплетничал, а главные герои этих разговоров в тот момент покупали жареную утку в ресторане «Цзюфучжай». Пусть по пути и произошло неприятное происшествие, но утку купить всё же следовало.

Экипаж остановился перед «Цзюфучжай». Сяо Чжигэ вышел и велел лавочнику завернуть одну жареную утку. Слуга ловко и быстро нарезал утку ломтиками, завернул в промасленную бумагу и, вытягивая шею, с любопытством поглядывал на карету, не умолкая ни на миг:

— Ваша утка попадет на стол ванфэй — экая для нее честь! Наш управляющий передавал: если ванфэй пришлась по вкусу наша утка, только пришлите человека сказать! Мы тотчас зажарим самую свежую, пышущую жаром, и доставим прямо в поместье!

Этот невероятно рьяный и смелый слуга заставил Бэйчжань-вана, привыкшего к холодным денежным расчетам, чувствовать себя не в своей тарелке. Нахмурившись, он немного помолчал, затем бросил серебряный слиток, взял утку и вернулся в карету.

Лавочник со слитком в руках с надеждой смотрел вслед: «Ванфэй, приходите еще! Торговля „Цзюфучжай“ держится на вас!»

...

— С чего вдруг ты решил купить жареную утку? — Ань Чанцин потянул носом, разглядывая сверток из промасленной бумаги у него в руках.

— Вкусно, — Сяо Чжигэ протянул ему сверток. — Дома съедим.

Ань Чанцин принял сверток с полным недоумением на лице. Хотя он и не понимал, почему Сяо Чжигэ неожиданно захотелось утки, но манящий аромат действительно пробуждал аппетит, так что он с радостью согласился:

— Вернемся и съедим вместе.

Увидев, что ему понравилось, Сяо Чжигэ заметно смягчился в лице:

— Если нравится, в следующий раз снова куплю.

Ань Чанцин, держа в руках утку, поднял на него взгляд и, встретившись с ним глазами, вдруг словно прозрел:

— Ты купил это специально для меня?

Сяо Чжигэ сдержанно кивнул:

— Угу.

Ань Чанцин подался ближе, внимательно разглядывая его:

— Как тогда со сливовым печеньем?

Мужчина под его пристальным взглядом снова издал короткое:

— Угу.

Улыбка на лице Ань Чанцина становилась все шире, и он тихо пробормотал себе под нос:

— Выходит, ты не такой уж и чурбан.

На обратном пути Ань Чанцин пребывал в превосходном расположении духа и уже придумывал, как расправиться с домашними ворами.

Сегодняшняя выходка оказалась полной неожиданностью. Ань Чанцин собирался заняться этими делами уже после Нового года, но раз уж поднялся такой шум, до остальных лавок наверняка дойдут слухи. Лучше разобраться со всеми разом.

Взвесив всё в уме, он поделился своими мыслями с Сяо Чжигэ:

— Давай до Малого Нового года созовем управляющих со всех поместий и лавок да устроим им хорошую встряску. А уж после праздников медленно сведем счета.

Сяо Чжигэ отозвался:

— Поступай, как знаешь.

На самом деле все эти годы он по большей части находился в Яньчжоу. Вернувшись в Ецзин,

князь не имел ни малейшего желания заниматься подобными мелкими хлопотами и почти не вмешивался в дела поместья, полностью доверив их дворецкому Ван Фугую.

Ань Чанцин присмотрелся к его лицу и продолжил:

— Всеми лавками заправляет дворецкий Ван. Он просто не мог не знать о происходящем в мастерской «Тяньи».

Сяо Чжигэ кивнул — разумеется, он и сам об этом подумал. Ван Фугуй относился к слугам старой закалки, однако не входил в круг его доверенных лиц. Опора князя находилась в Яньчжоу, в армии. Поместье в Ецзине служило лишь пристанищем в столице. Ван Фугуй служил ему давно и весьма преуспел в ведении дел, поэтому Сяо Чжигэ и доверил ему управление поместьем. Не то чтобы князь не догадывался о мелком казнокрадстве дворецкого. Но, привыкнув командовать войсками, он прекрасно знал: это похоже на то, как воины забирают трофеи после победы — полностью потакать этому нельзя, но и искоренить до конца не выйдет.

Поэтому к проделкам Ван Фугуя он всегда относился сквозь пальцы.

Однако теперь дворецкий явно вызывал глубокое недовольство его ванфэй, так что Сяо Чжигэ оставалось лишь сговорчиво спросить:

— И как ты хочешь с ним поступить?

— Сейчас у нас не хватает людей, так что ограничимся предупреждением и пока оставим его на службе, — после того как Сяо Чжигэ однажды прочитал ему военный трактат, Ань Чанцин время от времени сам заглядывал к нему в кабинет в поисках книг по военному искусству. Теперь он отлично усвоил правило «прежде всего покори сердце врага»: — На время отдалим его от себя: чем сильнее он будет чувствовать вину и страх, тем усерднее станет исполнять свои обязанности.

У Ван Фугуя хоть и водились грешки, но сам по себе он был осторожен и труслив. Из наблюдений Ань Чанцина за последнее время следовало: дворецкий мог при случае погреть руки, но наглого обмана Сяо Чжигэ себе бы не позволил.

Сяо Чжигэ с изумлением взглянул на него. Он-то думал, что Ань Чанцин воспользуется случаем и сместит Ван Фугуя. Ведь с самого момента вступления в поместье князя их отношения с дворецким трудно было назвать гладкими. Он и помыслить не мог, что тот произнесет нечто подобное.

В глазах князя блеснула острая мысль, и он одобрительно произнес:

— Но-но дело говорит.

Ань Чанцин: «.....»

...

Когда экипаж прибыл к поместью князя, Ван Фугуй во главе слуг выбежал встречать хозяев. Выглядел он воистину дрожащим от страха: еще до возвращения Ань Чанцина слуга Ань Фу успел привезти управляющего и лавочника мастерской «Тяньи», и Чжао Ши прямо на месте приказал отправить их в пыточную.

Хотя еще тогда, когда Ань Чанцин изъявил желание взять управление поместьем в свои руки, дворецкий понял, что в лавках рано или поздно всплывут нарушения, и даже специально предупредил управляющих вести себя скромнее... но он и помыслить не мог, что еще до окончания Нового года людей схватят и бросят в подвалы поместья!

Он тайком обливался холодным потом и согнулся еще ниже:

— Желают ли князь и ванфэй откусать ужина?

Ань Чанцин покачал промасленным свертком в руке и отозвался:

— Приготовьте несколько легких закусок, чтобы сбить жирность. Сегодня ужинаем жареной уткой.

...

После ужина Ань Чанцин призвал Ван Фугуя и велел ему собрать управляющих поместьями и лавками. За время, проведенное бок о бок с Сяо Чжигэ, он поневоле перенял его суровую властность. Стоило его чересчур утонченному личику принять строгое выражение, как в нем проглядывала внушительная осанка Сяо Чжигэ.

— На мастерскую «Тяньи» я наткнулся случайно. Но вряд ли в остальных лавках нет никаких грешков, — он неспешно постучал костяшками пальцев по столу. — Раз уж князь передал всё имущество поместья мне, я обязан управляться с ним достойно, чтобы не обмануть его доверия. Дворецкий Ван, скажи... разве я не прав?

Дворецкий Ван сгорбился еще сильнее, а лицо его скривилось от горечи. На первый взгляд ванфэй говорил о себе, но любой неглупый человек понял бы: это был прямой намек и предупреждение ему самому. Что именно выпытали у схваченных управляющего и слуги мастерской «Тяньи», дворецкий не знал. Но твердо понимал: ванфэй не спустит это дело на тормозах.

И верно: теперь он собирается взяться за остальных управляющих, и на этот раз, похоже, предстоит тотальная проверка.

И пусть сам дворецкий напрямую в махинациях не участвовал, но, закрывая глаза на творящееся, получил немало выгоды. Ванфэй пока не наказал его, но от этого становилось лишь страшнее, а ожидание карающего удара превращалось в настоящую пытку.

Ван Фугуй глухо произнес:

— Ванфэй совершенно прав.

Ань Чанцин посчитал предупреждение достаточным и взмахнул рукой:

— Иди и организуй всё.

Мигнули два дня, и Ван Фугуй назначил встречу управляющих на двадцатый день двенадцатого лунного месяца. За это время Те Ху снова явился с докладом, сообщив, что разузнал сведения об обители монахинь.

Женская обитель за городом была совсем не известна: если не выезжать за городские ворота,

мало кто вообще знал о ее существовании.

Однако после проверки Те Ху выяснилось, что в этой крошечной обители кроется немало темных тайн. В Да Е от сановников и вельмож до простого люда отдавали предпочтение даосизму, поэтому буддизм, естественно, увядал. А заброшенная обитель монахинь и подавно не привлекала паломников. Без подношений и курений неизвестно когда эта обитель утратила благочестивый дух и превратилась из места тихой духовной жизни в тайный публичный дом, укрытый в глуши.

Из-за отдаленности и суровых условий большинство обитательниц составляли женщины, совершившие проступки и сосланные туда на покаяние. Также там находили приют вдовы, потерявшие мужей и оставшиеся без всякой опоры.

<http://bllate.org/book/18381/1767630>